

М 1097036.3

Андромыков Ва

М 1097035.3

17 26 Нейс

ДА
НА ПОЗЖЕ
ЗДЕСЬ СРОКА

2016

М 1097035.3

Андрончиков В. А.

О собираніи памятниковъ народнаго творчества въ предѣлахъ Костромской губерніи.

Наша Костромская губернская ученая архивная комиссія еще въ 1899 г. задалась цѣлью собрать матеріалы по этнографіи и обычному праву губерніи и выработала для этого специальную программу. Собрать матеріалы предполагалось чрезъ просвѣщенныхъ лицъ губерніи, имѣющихъ близкое соприкосновение съ простымъ народомъ, преимущественно же чрезъ учителей и учительницъ земскихъ и церковно-приходскихъ школъ. Г. бывшій директоръ народныхъ училищъ В. А. Петровскій и г. епархіальный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ Н. И. Поспѣловъ сочувственно отнеслись къ задачѣ комиссіи и оказали въ этомъ случаѣ свое любезное содѣйствіе. Благодаря внимательному отношенію къ этому дѣлу со стороны гг. инспекторовъ народныхъ училищъ и оо. уѣздныхъ наблюдателей церковно-приходскихъ школъ, уже въ декабрѣ 1899 г. стали поступать матеріалы, поступленіе которыхъ продолжается и по сіе время.

Программа, разосланная комиссіей, слишкомъ обширна, и потому не на всѣ вопросы даны были одинаково подробные отвѣты, но особенно подробно нѣкоторыми учителями, учительницами и священниками разработаны были послѣдніе вопросы, которые касаются почти исключительно

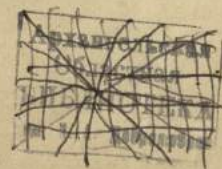
но живой старины, хранимой народной памятью.

Прежде всего на основаніи собраннаго матеріала можно ознакомиться съ нѣкоторыми явлениями народнаго языка. Разумѣется, въ различныхъ произведеніяхъ народной словесности, какъ-то: въ причитаніяхъ, заговорахъ, наговорахъ, прибауткахъ, сохранились старинныя формы, но онѣ, если можно такъ выразиться, фиксировались, были, такъ сказать, закрѣплены созвучіемъ. Несравненно важнѣе, конечно, старинныя формы, сохранившіяся въ живомъ народномъ говорѣ и постоянно въ рѣчи употребляемыя; а между ними есть весьма рѣдкія, напр. краткое (древнее) окончаніе прилагательныхъ: добры—добрый, сини—синій (въ Юрьеveck. у. Кандауровск. вол. дер. Кандауровѣ, по наблюденіямъ учителя В. Знаменскаго). Подобныя формы, по словамъ извѣстнаго знатока русской діалектологіи академика А. И. Соболевскаго, съ которыми я имѣлъ случай говорить по этому поводу на первомъ областномъ археологическомъ съѣздѣ въ г. Ярославлѣ, представляютъ явленіе весьма рѣдкое почти исключительное.

Въ обрядахъ и обычаяхъ крестьянъ Костромскаго края сохранились

471538

сн 15

Костромская областная
БИБЛИОТЕКА
им. Л. К. КРУТСКОН

слѣды глубокой старины. Я не буду говорить подробно о хоровахъ и пѣсняхъ, которыми они сопровождаются (такія пѣсни записаны), о празднованіи Семика и Георгіева дня, обрядъ окликанія молодыхъ въ воскресенье и понедѣльникъ Ѳоминой недѣли, объ обрядахъ, сопровождающихъ кое-гдѣ окончаніе яровой жнивы, завиваніе „бороды“ Козьмѣ и Даміану и т. д. Позволяю себѣ обратить вниманіе присутствующихъ на нѣкоторые свадебные пѣсни и обряды, уцѣлѣвшіе отъ старины.

Приблизительно съ начала ноября мѣсяца, когда совсѣмъ заканчиваются полевныя работы, а тамъ, гдѣ есть отхожіе промыслы, мужчины возвращаются изъ столицъ, начинаютъ „посидѣли“, „бесѣды“, „свозки“, „свозы“. Это—собранія молодыхъ людей—парней и дѣвицъ, которые весьма весело проводятъ здѣсь время. Разумѣется, молодежь здѣсь сближается, и вотъ почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ со святокъ же начинается сватовство. Любопытно особенно то, что подобныя собранія на святкахъ въ глухихъ уѣздахъ губерніи (Солигаличскомъ, Чухломскомъ, Ветлужскомъ и Кологривскомъ) носятъ характерное названіе „игрищъ“. Невольно какъ-то сопоставляешь эти святочные „игрища“, которыя часто заканчиваются бракомъ сблизившихся здѣсь молодыхъ людей, съ тѣми самыми „игрищами между селъ“, которыя, по словамъ Нестора лѣтописца, происходили у славянъ въ самомъ началѣ нашей эры.

Самыя свадьбы въ Костромской губерніи, особенно въ глухихъ ея уѣздахъ (Варнавинскомъ, Ветлужскомъ, Кологривскомъ), носятъ по себѣ печать глубокой старины. Онѣ обставлены множествомъ различныхъ обрядовъ и сопровождаются непременно со стороны невесты, а иногда родителей ея и поиругъ жалобными причитаніями, а со стороны дружки и свахъ—наговорами.

Преобладающимъ видомъ брака въ губерніи является продажа невесты, основанная въ громадномъ большинствѣ случаевъ на добровольномъ ея согласіи. Что касается насильственнаго похищенія или увоза невесты, то онъ еще кое-гдѣ сохранился, главнымъ образомъ у раскольниковъ. Въ Варнавинскомъ, напр., уѣздѣ при существованіи препятствій женихъ избираетъ удобный случай, при которомъ легко можно увести суженую, съ ея, правда, согласія, тайно отъ новыхъ родственниковъ. Бѣдную невесту иногда возятъ нѣсколько сутокъ въ разные концы, скрываясь отъ преслѣдованія родителей невесты. Потомъ мало-по-малу все стихаетъ, и тогда уже начинается свадебное пиршество. Иногда увозятъ дѣвушку и насильно. Женихъ обманомъ сажаетъ ее къ себѣ въ сани и увозитъ къ себѣ домой, при чемъ держитъ ее, чтобы она не убѣжала. Тутъ она ночуетъ и соглашается быть его женою, послѣ чего идутъ къ родителямъ невесты.

Воспоминаніе объ этой первобытной формѣ заключенія брака въ древности сказалось кромѣ того во

многочисленныхъ переживаніяхъ, которыми я считаю слѣдующіе, напр., обряды и обычаи въ свадебномъ ритуалѣ.

Въ Чухломскомъ и Кологривскомъ уѣздахъ дѣвица во время брачнаго стола, вынося разукрашенную елочку („дѣвью красоту“) и обращаясь къ поѣзжанамъ жениха, говоритъ: „Здравствуй, полкъ честной!“ (Отголосокъ глубокой старины, когда поѣзжане должны были быть вооружены и дѣйствительно составляли изъ себя полкъ).

Въ Варнавинскомъ уѣздѣ Богородской волости дружка жениха, оставя поѣздъ еще на улицѣ, входитъ въ сѣни дома невесты, но въ домъ не входитъ сразу: отхватываетъ съ силой двери и читаетъ скороговоркой: „Господи, Иисусе Христе, Сыя Божій, помилуй насъ!“; затѣмъ быстро откидывается назадъ, какъ будто отброшенный какою нибудь силой. Такъ онъ повторяетъ три раза и только послѣ того, какъ изъ комнаты отвѣтять „аминь“, входитъ въ избу и продолжаетъ наговаривать.

Въ Варнавинскомъ и Макарьевскомъ уѣздахъ, когда женихъ и невеста полнымъ поѣздомъ слѣдуютъ въ церковь, попутными селеніями свадебному поѣзду крестьяне преграждаютъ путь и пропускаютъ только тогда, когда женихъ или дружка дастъ имъ денегъ.

Въ Ветлужскомъ уѣздѣ при выходѣ изъ дому невесты, передъ тѣмъ какъ садиться въ экипажъ, женихъ почти силою тащитъ ее за собою, потому что та упирается.

Въ Юрьевецкомъ уѣздѣ дѣвицы въ пѣснѣ называютъ дружку воромъ: „дружка воръ—ненажоръ!“

Вторая форма заключенія брака (купля-продажа невесты) отразилась также въ массѣ обрядовъ. Приведу примѣры.

Въ Макарьевскомъ уѣздѣ Скоробогатовской волости женихъ съ отцомъ и братьями, прѣзжая сватать невесту, обращается къ ея родственникамъ съ такими словами: „у васъ есть товаръ, у меня купецъ“. Въ той же мѣстности въ день свадьбы родственники жениха являются къ невестѣ за приданнымъ; въ это время братъ ея или другой ближайшій родственникъ садится на сундукъ вооруженный, спрашивая: „что вы за люди? Зачѣмъ сюда пришли?“ Родственники жениха говорятъ: „мы порядились у одного богатаго купца подъ извозомъ отправить имѣніе, куда слѣдуетъ“.

Въ Ветлужскомъ уѣздѣ Рождественской волости наканунѣ свадьбы невесту прѣзжавшіе гости дарятъ деньгами, послѣ чего она приговариваетъ:

„Только вы, мои кормилицы,
„Доброхоты, красны солнышки,
„Что за купцы да къ вамъ на-
хвали,
„Золотой казной расхвастались?
„Они на эту золоту казну,
„Что купцы да добираются,
„Чего богатые докупаются:
„Али терему високаго,
„Али сада зеленаго,
„Али добра коня продажнаго?
„Знаю я, мои кормилицы—
„Нѣтъ у васъ, мои кормилицы,

„Нѣту терема високаго,
 „Нѣту садика зеленова,
 „Нѣтъ добра коня отдажнаго.
 „Я да догадалася,
 „Чего купцы да докупаются:
 „До меня до молодешеньки,
 „Они до красныя дѣвушки,
 „Они на эту золоту казну“.¹⁾
 Скажемъ теперь о такихъ свадеб-
 ныхъ обрядахъ, которые имѣютъ, по
 моему мнѣнію, символическое значе-
 ніе.

Въ Костромскомъ, Кинешемскомъ
 и Кологривскомъ уѣздахъ въ нѣ-
 которыхъ волостяхъ при встрѣчѣ
 молодыхъ отъ вѣнца стрѣляютъ изъ
 ружей.

Въ Кинешемскомъ уѣздѣ Тара-
 совской волости молодыхъ отъ вѣн-
 ца встрѣчаютъ съ зажженными пуч-
 ками соломѣ. Въ Вуйскомъ уѣздѣ
 Александровской волости селѣ Уша-
 ковѣ существовалъ еще недавно
 обычай, когда невѣсту выводятъ изъ
 дома передъ совершеніемъ брака,
 бросать ей подъ ноги лучину съ
 огнемъ, но теперь этотъ обычай по-
 чти выведенъ. Въ Костромскомъ
 уѣздѣ Челпановской волости селѣ
 Татьянинѣ, ко времени выхода же-
 ниха и невѣсты изъ церкви, устраи-
 ваютъ отъ церкви до дому жениха
 аллею изъ пучковъ соломѣ, привя-
 занныхъ къ кольямъ, воткнутымъ въ
 землю. Какъ только женихъ и не-
 вѣста въ вѣнцахъ выходятъ изъ
 церкви въ сопровожденіи священ-
 ника съ крестомъ въ рукахъ, пѣв-
 чихъ и толпы зрителей, такъ сію
 же минуту раздаются нѣсколько вы-

¹⁾ Записано учителемъ Майтихин-
 ской шк. А. Троицкимъ.

стрѣловъ изъ ружей, и въ то же
 время зажигаются пучки соломѣ,
 образующіе аллею, и всей свадебной
 процессіи приходится идти до дому
 среди огня и дыма.

Въ Костромскомъ уѣздѣ Коря-
 ковской волости передъ тѣмъ какъ
 ѣхать въ церковь дружка въ домѣ
 невѣсты беретъ со стола хлѣбъ, рѣ-
 жетъ отъ него горбушку, солить и
 покрываетъ ее горбушкой, привезен-
 ной изъ дома жениха, связываетъ
 ихъ какою нибудь веревочкой и при-
 четъ въ карманъ. Послѣ вѣнца у
 дома молодые съѣдаютъ обѣ гор-
 бушки.

Во многихъ уѣздахъ губерніи су-
 ществуетъ особый обрядъ вынесенія
 „дѣвѣй красоты“ съ различными
 наговорами. Это въ большинствѣ
 случаевъ деревцо—обыкновенно моло-
 дая елочка или даже сломленная
 верхинка молодой елки, иногда же
 березка или кустъ репейника. Де-
 ревцо это обыкновенно украшаютъ
 разноцвѣтными бумажками, лоскут-
 ками, иногда бусами или другими
 женскими украшеніями; на немъ
 прикрѣпляются восковыя свѣчи; свѣ-
 чи зажигаются, и по предложенію
 дѣвушки, несущей красоту, гости
 гасятъ по свѣчѣ и кладутъ за это
 на блюдо деньги. Деревцо это на
 подносѣ ставится на столъ. „Дѣвѣя
 красота“ выносится въ дѣвичникъ
 или сговоры или въ самый день
 свадьбы передъ тѣмъ какъ ѣхать
 въ церковь для бракосочетанія, или
 же послѣ свадьбы во время пира
 она подносится невѣстѣ. Разумѣет-
 ся, церемонія эта сопровождается
 наговоромъ дѣвушки, несущей де-

ревцо, а иногда и самой невѣсты.
 Такихъ наговоровъ (въ вариантахъ)
 записано покуда 21. Вотъ одинъ
 изъ нихъ:

„Поперекъ полу тесоваго
 „Пропустите меня молоду
 „Ко столику ко дубовому,
 „Ко скатерткамъ бранымъ,
 „Ко ложечкамъ кленовымъ,
 „Ко явствамъ ко сахарнымъ,
 „Ко сватухкамъ пріѣзжимъ,
 „Ко сваховькамъ любезнымъ.
 „Мы поставимъ дѣвѣю красоту
 „На два столика дубовые.
 „Погляди, подружка милая,
 „Погляди, голубка бѣлая,
 „На свою на дѣвѣю красоту
 „Въ достальныя во послѣднія;
 „Отнесемъ мы дѣвѣю красоту
 „За два полюшка за чистыя,
 „За двѣ рѣченки за быстрыя,
 „За луга то за зеленые
 „Во лѣса то во дремучіе;
 „Мы поставимъ дѣвѣю красоту
 „Подъ сухую подъ березоньку.
 „Не бывать тѣ, сухо дерево,
 „Не бывать тѣ двою зеленымъ;
 „Не бывать тебѣ, покруженъка,
 „Не бывать тебѣ, голубушка,
 „Не бывать во красныхъ дѣвуш-
 кахъ,
 „Не плетать тѣ русу косыньку,
 „Не плетать тѣ на три пряточки;
 „Заплетутъ, подружка милая,
 „Заплетутъ, голубка бѣлая,
 „Заплетутъ тѣ на шесть пряточ-
 чекъ“.¹⁾

Въ Варнавинскомъ уѣздѣ Туран-

¹⁾ Записано въ Костр. у. Апракс.
 вол. селѣ Костеневѣ учительницей
 А. Н. Орлеанской.

ской волости послѣ брака молодыхъ
 встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью ро-
 дители, которые, по обыкновенію, въ
 церковь во время вѣнчанія не ѣзжаютъ,
 благословляютъ молодыхъ и осыпа-
 ютъ иногда хмелемъ и житомъ, что-
 бы жилося богато и весело. (При-
 помнимъ для аналогіи нѣкоторыя
 подробности изъ описанія свадьбы
 Великаго Князя Василія Іоанновича,
 напечатаннаго въ Дредн. Рос. Библиот.
 III. 5. Передъ тѣмъ какъ ѣхать въ
 церковь къ вѣнчанію, жена тысяцка-
 го осыпала хмелемъ Великаго Князя
 и Елену, опахиваемыхъ соболями.
 Въ концѣ свадебнаго пира знатнѣй-
 шій бояринъ выдавалъ великую кня-
 гиню и говорилъ рѣчь. Жена ты-
 сяцкаго, надѣвъ двѣ шубы, одну на
 изворотъ, вторично осыпала ново-
 брачныхъ хмелемъ, а дружки и сва-
 хи кормили ихъ пѣтухомъ. О томъ
 же см. у Карамзина Ист. Рос. Рос.
 Т. VII гл. IV).

Всѣ главнѣйшіе моменты свадьбы,
 особенно въ глухихъ мѣстностяхъ
 нашего края, сопровождаются на-
 говорами и причитаньями дружки,
 самой невѣсты, подругъ ея, иногда
 родителей и свахъ. Причитаній этихъ
 записано очень много (съ варианта-
 ми 367), такъ что нѣтъ никакой
 возможности въ краткомъ очеркѣ
 не только указать ихъ содержаніе,
 но даже и перечислить всѣ тѣ
 обстоятельства, при которыхъ при-
 читается невѣста или ея подруги.
 Приведу примѣры.

Въ Варнавинскомъ уѣздѣ Туран-
 ской волости селѣ Турани въ сва-
 дебный день невѣста пробуждается

рано, когда еще всѣ спятъ, и причитаетъ:

„Я ходила да младѣшенька
 „По своей то да бѣлой горницѣ,
 „Я искала да молодешенька,
 „Я искала да ключевой воды,
 „Ключевой воды—приумьтиса,
 „Полотенечка—приутретиса.
 „Ключевая вода приубрана,
 „Полотенечка приуспрятана.
 „Надсадитиса да молодешенькѣ
 „Въ горемычное свое мѣстечко,
 „Зацѣвять же да молодешенькѣ
 „Горемычную свою пѣсенку.
 „Вы спитѣ же, мои родители,
 „Ужъ вы всю то да ночь темную
 „На великихъ то да на радостяхъ.
 „Вы вставайте, мои родители,
 „Со кровати да со тесовня,
 „Со перинушки со пуховья.
 „Мнѣ не спитсѣ да молодешенькѣ,
 „Мнѣ не спитсѣ да ночь темная;
 „Чуть малешенько призабылася,
 „Мнѣ во снѣ то да много при-
 видѣлось,
 „Али въявь вода показалася?
 „Мимо батюшкова да широка двора,
 „Мимо матушкиной да бѣлой
 горницы
 „Пролетали да гуси сѣрые;
 „Пролетѣли они, проскрикали.
 „Молодешеньку прираскликали.
 „Мнѣ еще же да сонъ привидѣлся
 „Или въявь вода показалася?
 „Ко моей то да ко постелюшкѣ
 „Подходила да дѣвья красота,
 „Мое дѣвичье украшеньице;
 „За русу то косу подержала
 „Молодешеньку да побудила:
 „Ты вставай ко да красна дѣвица,
 „Не пора тебѣ спать—не вре-
 мячко!

„Тебѣ пора вставать—голова
чесать,

„Заплетать тебѣ тридцатной пле-
тень,

„Тридцатной плетень—въ три
цѣсовочки,

„Заплетать тебѣ алы ленточки.

„Она будила, не добудилася,

„Она тутъ же да осердилася.

„Что пошла же да дѣвья красота;

„Понесло же да дѣвью красоту

„Внизъ по матушкѣ по быстрой
рѣкѣ;

„Прибывало да дѣвью красоту

„Ко крапивѣ да ко жегучею.

„Я хваталася тутъ, ималася,

„Я хвататиса то не схватилася,

„Обожгла же да бѣлы рученьки.

„Я тутъ же да опустилася.

„Понесло же да дѣвью красоту

„Внизъ по матушкѣ по быстрой
рѣкѣ;

„Понесло же да дѣвью красоту

„Ко осокѣ да ко рѣзучею.

„Я ималася тутъ, хваталася,

„Приобрѣвала бѣлы рученьки;

„А я тутъ же да опустилася.

„Понесло же да дѣвью красоту

„Внизъ по матушкѣ по быстрой
рѣкѣ;

„Прибывало да дѣвью красоту

„Ко кручинѣ да къ злему дереву.

„Я хваталася тутъ, ималася;

„Что крутина да злое дерево:

„Она въѣзъ сушить, она въѣзъ
крутить.

„Повесло же да дѣвью красоту

„Что по крутому то да по бережку;

„Что на этомъ то да на бережкѣ,

„Что стоитъ же да нова келейка;

„Что во этой во новой келейкѣ

„Что живутъ же да стары старицы,

„Стары старицы, черноблужницы,

„Выходила да на ключъ по воду,

„Распахнула да воду свѣжую,

„Распахнула да широкшенько,

„Зачерпнула да глубошенько,

„Зачерпнула да дѣвью красоту,

„Она тутъ же да удивилася:

„Ужъ и что же есть за родители!

„Несчастливые зародилися,

„Скоро думушку передумали,

„Скоро слово да перемолвили,

„Молодешеньку за мужъ отдали

„Во чужіе да люди добрые,

„Ко чужому то къ отцу къ ма-
тери“.)

Въ Варнавинскомъ уѣздѣ Бого-
родской волости деревнѣ Замѣшаихѣ,
когда въ день свадьбы женихъ со
сватами въѣзжаетъ во дворъ къ не-
вѣстѣ, послѣдняя причитаетъ:

„Не шумливая березонька

„Во новы то сѣни клонитсѣ:

„То идетъ дружка, храбрый гость,

„Со храбрымъ своимъ поѣздомъ.

„Посмотрите ка, подруженьки,

„Что на чужда то чужавина,

„На удалаго добра молодца,

„Ужъ какъ истово-ль онъ крестъ
кладеть,

„Понизко ли поклоняетсѣ,

„Онъ кладеть ли особливъ поклонъ

„Ко мнѣ къ печкѣ за навѣсточку,

„Во печальное во мѣстечко,

„Что какъ замъ, мой подруженьки.

„То не пчелоньки шумливыя

„Во угодушку вбиралися,

„То вбиралися люди добрые

„Въ нову батюшкину горницу;

„То не ластовьки касатоньки

.) Записано учителемъ Туранскаго
народнаго училища Павломъ Шамани-
нымъ.

„По нашесточкамъ садилися,

„То садилися люди добрые

„По мѣстамъ, да по почетнымъ.

„Ты послушай, братецъ батюшка,

„Что хочу я тебѣ молвити!

„Подойди ка ты, ясенъ соколъ,

„Ко столу ли къ сыродубовому!

„Ты спроси ка, братецъ-батюшка,

„Что за люди то наѣхали.

„Буде люди то торговые,

„Исподѣлай лавки новыя...

„Исподбей ты, братецъ-батюшка,

„Ихъ и плюсомъ, да и бархатомъ,

„Уклади-ка ихъ товарами,

„Все товаромъ, да все разнымъ,

„Чтобы эти гости дальніе

„Исходились, загулялись,

„На товары заглядѣлись,

„Протянули-бъ день до вечера

„И оставили бы молодую

„Что у васъ, мои родители!

„Если люди то дорожные,

„Покажи имъ путь-дороженьку,

„Чтобы проѣхали мимо терема,

„Мимо тятинькины новы горницы,

„Чтобы къ намъ то не заѣхали“.)

Въ Костромскомъ уѣздѣ Мисков-
ской волости селѣ Куниковѣ мать,
выдавая дочь замужъ, причитаетъ:

„Ужъ ты чадо да мое милое!

„Ужъ ты кровь то да горечая!

„Ты пойдешь то во чужи люди;

„Надо жить-то умѣючи

„И про все разумѣючи:

„Рѣзвымъ ноженькамъ

„Быть походчивымъ,

„Вѣлымъ рученькамъ

„Подносчивымъ,

„Ретиву сердцу

„Покорчиву,

.) Записано учителемъ Замѣшаихин-
скаго училища Ст. Шаровымъ.

„Буйной головушкѣ
 „Поклончивой;
 „Ты терпи горе
 „Не сказывай,
 „Цвѣтно платице
 „Не складывай!“¹⁾

Въ Варнавинскомъ уѣздѣ Медвѣ-
 довской волости селѣ Медвѣдихѣ,
 когда женахъ со сватами прѣвзжаетъ
 къ невѣстѣ, чтобы ѣхать въ церковь
 къ вѣнчанію, дѣвцы въ пѣснѣ вы-
 ражаютъ свое недовольство сватомъ
 за то, что послѣдній лишаетъ ихъ
 подругъ:

„Какъ тому-ли свату—сватичку
 „Тому ли чужу-чужанцу,
 „Еще мало ему этого;
 „Три бы чирья ему въ голову,
 „А четвертый-то въ бороду,
 „А пятый-то подъ горлышко
 „Вмѣсто краснаго солнышка,
 „А шестой-то подъ пату;
 „Съ горы бы ему скатиться,
 „Головъ бы у него сломиться;
 „Еще мало ему этого:
 „Комуху²⁾—то ему трясучую,
 „Трясучую да злючую,
 „Чтобъ трясла да потряхивала,
 „До потолка притраживала
 „На печи то бы да подъ шубами
 „Подъ семью то подъ тулупами“.³⁾
 А въ Юрьевецкомъ уѣздѣ въ Ново-
 Воскресенской волости селѣ Башки-
 нѣ дѣвцы по тому же поводу по-
 ютъ дружкѣ слѣдующее:
 „Сидѣлъ дружка на рябивѣ,

¹⁾ Записано священникомъ Павломъ
 Пановымъ.

²⁾ Лихорадку.

³⁾ Сообщилъ учитель Баковского нач.
 уч. М. Ветюговъ.

„Его черти нарядили!
 „Дружка воръ, дружка воръ,
 „Дружка воръ—ненажоръ!
 „Кѣкъ на дружкѣ то кафтанъ
 „Чортъ по мѣсяцу напярля!
 „Дружка воръ...
 „Какъ на дружкѣ то перчатки,
 „Точно маленьки чертятки!
 „Дружка воръ...
 „Какъ на дружкѣ то шапченка,
 „Точно галичье гвѣздо!
 „Дружка воръ...
 „Какъ на дружкѣ то штаны,
 „Послѣ дяди—сатаны!
 „Дружка воръ...
 „Какъ на дружкѣ то лаптишки
 „Чортъ по мѣсяцу наплель!
 „Дружка воръ...
 „Дружка въ избу то вошелъ—
 „Все по воровска глядеть!
 „Дружка воръ...
 „Онъ на полочку взглянулъ,—
 „Пирожекъ себѣ стянулъ!
 „Дружка воръ...
 „Дружка къ печкѣ то взглянулъ,
 „Ужъ яшенку стянулъ!
 „Дружка воръ...
 „А на печку то взглянулъ,
 „Лапоточки ужъ стянулъ:
 „Дружка воръ, дружка воръ,
 „Дружка воръ—ненажоръ“.¹⁾

Въ Кинешемскомъ уѣздѣ Троицкой
 волости деревнѣ Погостѣ, когда не-
 вѣсту выводятъ изъ дому, чтобы
 вести къ вѣнцу, она причитаетъ:
 „Что не шелку ли клубъ катится,
 „Послушай ка, радужка матушка,
 „Покатилось чадо милое,
 „Черешла я, переступила,
 „На калиновый мостъ вышедши.

¹⁾ Сообщила учительница Башкин-
 ской церк.-прих. школы Е. Розова.

„Провались ко ты, калиновъ мостъ!
 „Раскатысь ко ты, часта гѣсенка!
 „Какъ у бабушки на широкомъ
 дворѣ

„Стояла яблонь зрѣлая,
 „Яблочки ронила назрѣлая;
 „Что не яблонь то тутъ стояла,
 „Что вѣдь ваше то чадо милое
 „Ронило то горючи слезы;
 „Повезли то меня горюкую
 „Изъ деревни то какъ изъ городу,
 „Что изъ улицъ то какъ изъ слободы.
 „Ужъ какъ наши то чисты поля
 „Жемчугомъ то изусѣяны,
 „Золотымъ тыномъ огорожены.
 „Какъ чужіе то всё чисты поля
 „Печалюшкой изусѣяны,
 „Что кручинушкой огорожены“.¹⁾

Въ Варнавинскомъ уѣздѣ Туран-
 ской волости селѣ Турани невѣста
 при подобныхъ же обстоятельствахъ
 причитаетъ слѣдующее:

„Оставайтесь да горе-кручина
 „У матушки въ бѣлой горницѣ!
 „Остаетесь, мои родители,
 „Во избѣ то да ровно въ теремѣ,
 „На дворѣ то да въ зеленомъ саду!
 „Вы катитесь да горючи слезы
 „По моему то да лицу бѣлому!
 „Что ко бабушку на широкій дворъ
 „Протекай ко да рѣчка быстрая,
 „Рѣчка быстрая, бережистая;
 „Выростай ко да часть ракиновъ
 кустъ.
 „Вы слетайтесь, птацы райскія,
 „Запѣвайте вы пѣсни царскія,
 „Разжалобите отца съ матерью
 „Прослезите да всѣхъ добрыхъ
 людей

¹⁾ Записано учительницей Погостинск.
 уч. В. Вилинской.

„Всѣхъ сусѣдей да всѣхъ сусѣ-
 донекъ
 „Всѣхъ сусѣднихъ да малыхъ дѣ-
 точекъ,
 „Чтобъ меня же да долѣ по-
 мнили“.¹⁾

Въ народныхъ вѣрованіяхъ также
 до настоящаго времени сохранилось
 много остатковъ старины.

Я уже упоминалъ ранѣе, что въ
 Костромскомъ уѣздѣ Челпановской
 волости молоде послѣ вѣнца изъ
 церкви идутъ между двухъ рядовъ
 зажженныхъ изъ соломы костровъ,
 а въ Буйскомъ уѣздѣ Александров-
 ской волости селѣ Ушаковѣ недавно
 существовалъ обычай, когда невѣста
 выходила изъ дому, чтобы ѣхать въ
 церковь, ей подъ ноги бросали заж-
 женую лучину, черезъ которую она
 должна была переступить. Въ этихъ
 обрядахъ нельзя не видѣть суще-
 ствовавшаго у предковъ нашихъ вѣ-
 рованія въ очистительную и предо-
 хранительную силу огня. (Припо-
 мнимъ для аналогіи съ первымъ обы-
 чаемъ обрядъ прохожденія русскихъ
 князей во время татарскаго ига въ
 Ордѣ въ ставку къ хану черезъ два
 ряда зажженныхъ костровъ). То же
 самое вѣрованіе, несомнѣнно, про-
 является и въ существующемъ до
 настоящаго времени обычаѣ во время
 падежа скота перегонять послѣдній
 черезъ костеръ, зажженный огнемъ,
 вытертымъ непремѣнно изъ дерева.
 (Варнав. у. Магар., Дмитр. и Ба-
 ковск. волостяхъ). Въ сосѣднихъ съ
 Макарьевомъ деревняхъ и до сихъ

¹⁾ Записано учителемъ Туранскаго
 нар. учил. П. Шаманинымъ.

порь ежегодно весной окуривают животных такъ называемымъ „деревяннымъ“ огнемъ и слѣпо вѣрятъ, что такое окуриванье обеззараживаетъ животныхъ.

Ничто такъ долго не держится въ вѣрованіяхъ народа, какъ убѣжденіе въ существованіи домовыхъ и лѣшихъ. Въ Кинешемскомъ, напр., уѣздѣ селѣ Бѣлоникольскомъ, если сынъ отдѣлится отъ отца, выстроить новый домъ и переходить туда жить, то зоветъ съ собой домового и говоритъ: „мой домовой, пойдемъ со мной домой, но люби мою скотинку.“ Записано также 5 рассказовъ оprodѣлкахъ домового и лѣшаго. Вотъ для примѣра 2 подобныхъ рассказа.

„Въ одну изъ субботъ (передавалъ крестьянинъ дер. Ермолова Александръ Дмитріевъ Лапшинъ), когда забылъ, помню только, что осенью, отправился я съ бабой въ баню. Сталъ мыться—вдругъ съ печи, хватъ меня въ спину горячимъ камешкомъ. Думаю себѣ это такъ что нибудь. Моюсь опять. Хватъ въ спину опять камнемъ, даже слышалъ, какъ онъ отскочилъ на полъ, а спину инда обожгло. Робко что то стало, а бабѣ ничего не говорю. Всталъ, посмотрѣлъ на „кутникъ“, на печку,—никого нѣтъ. Сталъ опять мыться. Опять меня въ спину, да ужъ и совсѣмъ больно. Страхъ напалъ на меня, слышу—мокрые волосы на головѣ пошевеливаются. Ну, баба, говорю, кончай скорѣе, вѣдь что то не ладно. Она живо кончила и вышла въ передбанникъ. А я хотѣлъ опять посмотрѣть, что за причта такая, да такой страхъ на-

палъ, что и не приведи Господи. Хочу это перешагнуть порогъ въ передбанникъ за женой, какъ хватъ меня за голую пятку (такъ вѣдь знакъ и остался) и не помню, а какъ кубаремъ перекатился черезъ порогъ и босой и чуть не въ чемъ родился, прибѣжалъ домой. Живъ былъ у меня еще въ ту пору старикъ отецъ. „Что ты, говоритъ, Санька, на тебѣ лица нѣту“. Да вотъ что, да вотъ что. Тутъ я все ему и рассказалъ. „Экъ, дуралей, чего напугался! Вотъ я схожу“. Однако, подумавъ, батька мой не пошелъ въ этотъ вечеръ. А на утро, не говоря ни слова, влѣзъ на баню, раскидалъ крышу, разобралъ баню, и мы поставили ее на другомъ мѣстѣ. И съ тѣхъ поръ никогда не повторялось“. 1)

„Одна дѣвочка 13—14 лѣтъ проводила свою сестру въ школу и пошла домой за 2 версты. На дорогѣ ей попалась знакомая женщина, и онѣ пошли вмѣстѣ. У дѣвочки въ карманѣ было маленькаго формата Евангеліе. Онѣ долго шли, такъ что дѣвочка изъ силъ выбилась и все порывалась вынуть Евангеліе, но женщина ее останавливала. Когда же она Евангеліе выняла, женщина пропала, и дѣвочка оказалась около чужой деревни на дорогѣ въ оврагѣ за 25 верстъ отъ дому въ противоположную сторону“. 2)

1) Записано священникомъ села Елнати Юрьевокаго уѣзда Мордвиновской волости Влад. Красногорскимъ.

2) Фактъ переданъ со словъ этой дѣвочки Маріи Рогозиной деревни Зубарева священникомъ с. Васьяковки Чухл. у. А. Петропавловскимъ.

Кое-гдѣ въ губерніи сохраняется еще убѣжденіе, что въ водѣ живутъ русалки, а блуждающій на болотахъ огонекъ—это „фонарикъ“ (мертвецъ), который если итти за нимъ, можетъ „завести“, т. е. спутать съ дороги.

Вѣрованіе въ загробное существованіе челоѣка отразилось въ нѣкоторыхъ обрядахъ и обычаяхъ. Такъ, въ Макарьевскомъ уѣздѣ Кусской волости, когда душа долго не можетъ выйти изъ тѣла, есть обычай открывать на крышѣ нѣсколько жесинъ (или снимать конекъ въ другихъ мѣстностяхъ). Припомнимъ для аналогіи сонъ Святослава изъ „Слова о полку Игоревѣ“: „Ужъ доски безъ княса въ моемъ теремѣ златовръсѣмъ“—Ужъ доски лежатъ безъ князька на моемъ теремѣ златоверхомъ.

Въ Варнавинскомъ уѣздѣ Лапшангской волости, когда челоѣкъ кончается, на столъ ставятъ чашку съ водой. По повѣрью крестьянъ, душа челоѣка, выйдя изъ тѣла, окунется въ этой водѣ. Въ Ветлужскомъ уѣздѣ Ошминской волости, когда у больного начинается предсмертная агонія, родные ставятъ подъ иконы чашку съ водою и вѣшаютъ чистое полотенце, чтобы душа, по выходѣ изъ тѣла, могла омыться.

Въ Ветлужскомъ уѣздѣ Рождественской волости селѣ Дароватовѣ есть повѣрье, что душа умершаго въ 40-ой день послѣ смерти проходитъ въ послѣдній разъ домой и принимаетъ участіе въ трапезѣ приглашенныхъ въ этотъ день на поминки; поэтому въ иныхъ мѣстахъ на столъ ставятъ лишній приборъ

или кладутъ лишнюю ложку. Послѣ угощенія душа будто бы уходитъ на всегда, и вотъ родственники, преимущественно женщины, провожаютъ ее до воротъ деревни, съ различными причитаніями.

Какъ бракъ, одно изъ главныхъ событій въ жизни крестьянина, сопровождается различными причитаніями, такъ равно смерть и похороны пробуждаютъ въ душѣ челоѣка горькія чувства, изливающимися въ причитаніи—пѣснѣ. Похоронныхъ причитаній покуда написано 24.

Вотъ, напр., какъ причитаетъ семейная женщина на похоронахъ мужа:

„Отгостилъ то да, любезный мужъ,
„Во своей то бѣлой горницѣ,
„Во своей то свѣтлой свѣтлицѣ,
„Ты оставилъ да, любезный мужъ,
„На меня то да вѣдь на горюху,
„На меня то да на злодарную
„Тяготу то да мнѣ великую;
„Ищо какъ то да мнѣ жить будетъ,
„Ищо какъ то да подымать будетъ
„Что своихъ то да малыхъ дѣтей,
„Что моихъ то да горькихъ сиротъ?
„Ты, дитѣ ли мое милое,
„Попроси ко да братца милаго
„Алексѣя да сына Митрева,
„Чтобы они то да не оставили,
„Чтобы онѣ же да и не бросили
„Со своимъ то да со товарищамъ.
„Я приду то да горемычица
„Я приду то да во любви гости,
„Прими меня да по старому,
„Не по питія то да я по сладкія,
„Не по явства то я сахарныя,
„Отъ тоски то да я отъ горевька.
„Ты вступиися да любезный братъ
„Ты за мѣсто да кормивца,

„Ты кормицеца моего батюшка;
 „Ты прими ко меня по старому,
 „Приголубь ко меня по прежнему;
 „Какъ тепера же, знать, у горюхи
 „Западетъ моя путь-дороженька
 „На родимую на сторонушку“.¹⁾
 А вотъ какъ дочь причитаеть на
 могилѣ отца:

„Я пойду да сиротинушка
 „Во ограду зеленую
 „На урочное на мѣстечко,
 „Пропущу молодешенька
 „Я своимъ горючимъ слезамъ,
 „Пропущу я рѣчки быстрыя.
 „Поднимись да туча грозная,
 „Упади калена стрѣла,
 „Расшиби гробову доску,
 „Какъ не встанеть ли кормилецъ
 мой,

„Какъ кормилецъ мой тятенька.
 „Равскажу я, сиротинушка,
 „Про свое житье горькое,
 „Какъ живу я сиротинушка,
 „Какъ живу я только маюся,
 „По чужимъ людямъ шатаюся,
 „По чужой да дальней сторонѣ.
 „Я пойду ли, сиротинушка,
 „Я къ кукушкѣ ли горюшечкѣ.
 „У кукушки ли горюшечки
 „У нее ль нѣтъ тепла гнѣзда,
 „У меня ль нѣтъ кормилца
 „За одно да куковать станемъ.
 „Какъ по тѣ поры времячко
 „Я не вѣрила подруженькамъ,
 „Я подружкамъ да голубушкамъ,
 „Какъ живутъ да въ сиротинушкахъ,
 „А теперъ я сиротинушка
 „Все спознала, да спровѣдала
 „Я про всю ль жизнь сиротскую

¹⁾ Записано въ Варнавинскомъ уѣздѣ
 Туранской волости селѣ Турани учите-
 лемъ П. Шаманинымъ.

„Что во этихъ сиротинушкахъ
 „Надо жить да унижаючись,
 „Ужъ какъ всѣмъ да уступаючи,
 „Уступать всѣмъ добрымъ людямъ,
 „Всѣмъ подруженькамъ—голу-
 бушкамъ,

„Надо жить во сиротинушкахъ,
 „Надо тише быстрой воды,
 „Какъ пониже шелковой травы“.¹⁾
 Сирота, прѣхавшая на родину,
 причитаеть слѣдующее:

„Я прѣехала горька сирота
 „Изъ за лѣсу-то лѣсу темнаго,
 „Изъ за рѣчки ли, рѣчки быстрыя,
 „Изъ за грязи ли, грязи черныя,—
 „Меня встрѣтитъ товѣ домѣнекому:
 „Моего то нѣтъ родна батюшка,
 „Моеѣ то нѣтъ родной матушки.
 „Я припомню ка, горька сирота,
 „Какъ встрѣчали то прежде молоду,
 „Какъ встрѣчали то горемычную
 „Со полупути, съ полдороженьки,
 „Принимали то въ свои горницы.
 „Какъ сажали то младу молоду
 „За столы то ли сыродубовы
 „За скатѣрочки новоклѣтчаты,
 „Какъ кормили то младу молоду
 „Меня ѣствомъ то все сахарнымъ
 „Да и питьею то все медвянымъ.
 „Это все теперъ миновалось.
 „Меня въ домѣ то во родительскомъ
 „Не встрѣчаетъ ужъ братецъ ба-
 тюшка

„Вмѣсто батюшки, вмѣсто матушки
 „Какъ восплачу я, горька сирота,
 „Что своимъ то ли горючимъ
 слезамъ,
 „Какъ пойду то я, горька сирота,

¹⁾ Записано въ Варнавинскомъ уѣздѣ
 Богородской волости селѣ Беберинѣ
 Богородскомъ свѣщ. Н. Рождествен-
 скимъ.

„Во оградушку да во мірскую,
 „Какъ найду я тамъ, горемычная,
 „Я примѣтное свое мѣстечко,
 „Припаду я тамъ ко сырой землѣ,
 „Подымитесь вы, вѣтры буйныя!
 „Вы раздуйте ка пески желтые
 „На всѣ стороны свѣта бѣлаго!
 „Ты откройся ко, гробова доска!
 „Вы возстаньте ко, родной батюшка
 „И родная ли моя матушка!
 „Вы промолвите мнѣ словечушко,
 „Ужъ какъ мнѣ то ли, горькой
 сиротѣ.“¹⁾

Конечно, съ увеличеніемъ числа
 рачей, подающихъ помощь въ де-
 ревиѣ, и съ распространіемъ среди
 простого народа образованія крестья-
 не мало-по-малу начинаютъ обра-
 щаться за врачебною помощью къ
 доктору или фельдшеру, но все же
 въ громадномъ большинствѣ случа-
 евъ они предпочитаютъ лѣчиться
 своими средствами и довольно таки
 часто обращаются къ шептунамъ и
 знахарямъ, которые, разумѣется, при-
 бѣгаютъ къ различнымъ нашептываньямъ
 и заговорамъ. Хотя послѣдніе со-
 храняются въ глубокой тайнѣ (иначе
 они, по словамъ знающихъ подоб-
 ные заговоры, потеряли бы свою
 силу), однако архивной комиссіей
 собрано 20 заговороеъ (нѣкоторые
 въ вариантахъ)—отъ зубной боли,
 кровотеченія, болѣзни живота, вы-
 виха руки или ноги, отъ испуга
 дѣтей и т. д. Особенно интересенъ
 наговоръ отъ комухи (лихорадки),
 потому что во всѣхъ трехъ запи-
 санныхъ текстахъ лихорадки пред-
 ставляются въ видѣ 12 дѣвицъ, ко-

¹⁾ Записано учителемъ Замѣшаихин-
 скаго училища Ст. Шаровымъ.

торыя идутъ къ людямъ, но святые
 ихъ останавливаютъ; вотъ одинъ
 изъ вариантовъ:

„Симонъ Преподобный
 „Ходилъ по путямъ по дорогамъ,
 „По разнымъ тропинкамъ,
 „А на встрѣчу ему идутъ
 „Двѣнадцать дѣвъ;
 „Сталь онъ ихъ спрашивать:
 „Дѣвы чьи вы?
 „Иродовы“ отвѣчали онѣ.
 „Куда вы идете?“
 „Въ человѣческой мірь кости ло-
 мить
 „Да къ смерти гонить!“
 „Нарѣзалъ Симонъ Преподобный
 „Двѣнадцать прутовъ,
 „Сталь онъ ихъ сѣчь, пригова-
 ривати:

„Въ человѣческой мірь не ходите,
 „Кости не ломите,
 „Къ смерти не гоните!“
 „Симонъ Преподобный!
 „Не сѣки ты наст,
 „Не наказывай:
 „Кто твою молитву прочтетъ,
 „Мы къ тому дому
 „Не прикоснемся!“¹⁾

Если крестьяне для излѣченія сво-
 ихъ болѣзней сравнительно рѣдко
 обращаются ко врачу, то тѣмъ бо-
 лѣе домашнихъ животныхъ они лѣ-
 чать своими средствами, также при-
 бѣгая къ нашептываньямъ и наго-
 ворамъ (2 такихъ записано). Однимъ
 изъ самыхъ радикальныхъ средствъ
 излѣченія во время эпидеміи счи-
 тается опахиванье. Въ Варнавин-
 скомъ, напр., уѣздѣ Магарьевской

¹⁾ Записано въ Костромскомъ уѣздѣ
 Мисковской волости селѣ Куниковѣ
 свѣщ. П. Пановымъ.

волости при эпидемическихъ болѣз-
няхъ людей или скота селенія въ
глухую полночь опахиваются сохою,
которую везутъ противъ солнца
12-ть дѣвицъ съ распущенными во-
лосами, въ бѣлыхъ рубашкахъ, под-
поясанныя нитками, обутыя въ но-
вые лапти, безъ платковъ, безъ крест-
ста, съ разстегнутыми воротами ру-
башекъ; при этомъ дома, въ кото-
рыхъ эта болѣзнь есть, остаются за
бороздою.

Любовь къ пѣнію, какъ извѣстно,
распространена среди простого на-
рода. Собираателямъ произведеній
народной музы удалось записать и
нѣсколько пѣсень: 8 хороводныхъ,
3 обрядовыхъ, 19 игорныхъ, 18
любовныхъ, 3 семейныхъ, 2 пѣсни,
поющіяся на свадьбахъ про „хмель“
и про „Ваню“, 2 пѣсни о бродя-
гахъ, 3 разбойничьи, 2 военныя,
одна изъ которыхъ считается также
плясовой, 2 историческія. Всего
такимъ образомъ пѣсень записано
62. Для примѣра приведу 3 пѣсни:

„Какъ на тоненькій ледокъ
„Выпадалъ бѣленькій снѣжокъ;
„Цвѣточки мои бѣлорозовые!
„Выпадалъ бѣлый снѣжокъ,
„Провѣжалъ милый дружокъ;
„Цвѣточки мои...
Онъ ѣхалъ, поспѣшалъ,
„Со добра коня упалъ;
„Цвѣточки мои...
„Упалъ и лежитъ,
„Никто къ нему не бѣжить.
(Припѣвъ)

„Увидали двѣ дѣвицы,
„Выбѣгали красавицы,
„За бѣлыя ручки брали,
„На добра коня сажали. (Припѣвъ)

„На добра коня сажали,
„Шелкову плетъ подавали,
„Вороточка растворяли,
„Въ чисто поле провожали
„И наказывали. (Припѣвъ).
„Ты поѣдешь, моя радость,
„По бесѣдамъ по пирамъ,
„Не засиживайся,
„На хорошихъ на пригожихъ
„Не заглядывайся!
„Хорошія, пригожія
„Исповысушили,
„Исповывели румяна
„Изъ бѣлого изъ лица“ (Припѣвъ)¹⁾

„Со веселья хожу со радости,
„Своего друга дожидаячися.
„Идетъ миленькій, низко кланяяся;
„Низко кланялся, поздоровался:
—Здравствуй, душенька красна
дѣвица!

Я не гость пришелъ не гостить
къ тебѣ,
Я пришелъ къ тебѣ распро-
статися,—

Не позволишь ли мнѣ жениться;
„Ты женись, женись, мой лю-
безный другъ;
„Я не думала, разбесовѣстный,
Отъ тебя слышать таковыхъ рѣчей!
„Молвилъ миленькій мнѣ сло-
вечко,

„Прострѣлили словомъ грудь сер-
дечушко.

„Ты возьми, возьми свой булат-
ный ножъ,

„Ты разрѣжь, разрѣжь мою нѣж-
ну грудь,

„Посмотри ка на мое сердечушко!

¹⁾ Записано въ Кологривскомъ уѣздѣ
и волости деревнѣ Вонюхъ учитель-
ницей Н. Холмовской.

„Что мое-то ли ретиво сердце
„Чернѣй стало угля чернаго;
„Каково съ милымъ дружкомъ
разставатися?

— Ты не плачь, не плачь, красна
дѣвица!

Я ходить буду чаще стараго,
Я любить буду лучше прежняго.

„Что не грѣть солнцу противъ
лѣтняго,

„Не сушить землю противъ веш-
няго,

„Не любить друга противъ
прежняго.

„Ты возьми, возьми золотой пер-
стень,

„Ты отдай, отдай мой тальянскій
платъ:

„Перстенькомъ тебѣ обручатися,
„А платочкомъ мнѣ жениха да-
реть“.¹⁾

„Какъ со вечера подуло,
„Со полуночи мятель;
„Ужъ какъ шелъ, прошелъ бродяга
„Бездомовый человекъ,
„А на встрѣчу то бродягъ,
Другъ-пріятель дорогой!

— Ты скажи, скажи, бродяга,
Ты куда скоро спѣшишь?

Тебя мать съ отцомъ не встрѣ-
тять

И подружка дорога:
Твоя матушка родная
Во сырой землѣ лежитъ,
А подружка дорогая
Подъ вѣнецъ съ другимъ спѣ-
шитъ.

И подружка дорога:
Твоя матушка родная
Во сырой землѣ лежитъ,
А подружка дорогая
Подъ вѣнецъ съ другимъ спѣ-
шитъ.

И подружка дорога:
Твоя матушка родная
Во сырой землѣ лежитъ,
А подружка дорогая
Подъ вѣнецъ съ другимъ спѣ-
шитъ.

И подружка дорога:
Твоя матушка родная
Во сырой землѣ лежитъ,
А подружка дорогая
Подъ вѣнецъ съ другимъ спѣ-
шитъ.

И подружка дорога:
Твоя матушка родная
Во сырой землѣ лежитъ,
А подружка дорогая
Подъ вѣнецъ съ другимъ спѣ-
шитъ.

И подружка дорога:
Твоя матушка родная
Во сырой землѣ лежитъ,
А подружка дорогая
Подъ вѣнецъ съ другимъ спѣ-
шитъ.

И подружка дорога:
Твоя матушка родная
Во сырой землѣ лежитъ,
А подружка дорогая
Подъ вѣнецъ съ другимъ спѣ-
шитъ.

¹⁾ Записано въ Чухломскомъ уѣздѣ
селѣ Бушневъ учителемъ Софійской
церк.-прих. шк. О. Сахаровымъ.

„Шелъ я лѣсомъ большимъ тем-
нымъ,

„Захотѣлось отдохнуть,
„Вдругъ несчастіице случилось:

„Подхватили молодца,
„Ручки съ ножками сковали

„И отправили въ острогъ,
„У острога дворъ широкій,
„Ворота на двухъ замкахъ;
„У воротъ стоятъ часовые,
„Они спрашиваютъ бродягъ:
— Ты скажи, скажи, бродяга,
Сколько душъ ты загубилъ?

„Только двѣ души зарѣзалъ,
„А за третью попалъ;
„Ручки съ ножками сковали
„И отправили въ Сибирь.

„До Сибири то далеко,
„У насъ ноги не дойдутъ,
„У насъ ноги не дойдутъ,
„На подводахъ увезутъ“.¹⁾

„На подводахъ увезутъ“.¹⁾

Есть въ матеріалахъ, собранныхъ
коммиссіей, записанныя народными
учителями и учительницами легенды
и устные преданія. Записано 10
легендъ о кладахъ, 4—о разбойни-
кахъ, 2 преданія о панахъ, 2 ле-
генды о колдунѣ и колдунѣ оборот-
няхъ, преданіе о невидимой подзем-
ной церкви, рассказъ странницы и
наконецъ легенда о томъ, почему
теперь на Руси много золота и се-
ребра. Для примѣра передамъ ле-
генду о колдунѣ.

„Было въ семьѣ двое братьевъ.
Оба они были взрослые, двадцати-
лѣтки. Вотъ и дошла до нихъ оче-
редь итти въ солдаты одному. Ду-
мали, думали отецъ съ матерью, ко-

„Было въ семьѣ двое братьевъ.
Оба они были взрослые, двадцати-
лѣтки. Вотъ и дошла до нихъ оче-
редь итти въ солдаты одному. Ду-
мали, думали отецъ съ матерью, ко-

„Было въ семьѣ двое братьевъ.
Оба они были взрослые, двадцати-
лѣтки. Вотъ и дошла до нихъ оче-
редь итти въ солдаты одному. Ду-
мали, думали отецъ съ матерью, ко-

„Было въ семьѣ двое братьевъ.
Оба они были взрослые, двадцати-
лѣтки. Вотъ и дошла до нихъ оче-
редь итти въ солдаты одному. Ду-
мали, думали отецъ съ матерью, ко-

„Было въ семьѣ двое братьевъ.
Оба они были взрослые, двадцати-
лѣтки. Вотъ и дошла до нихъ оче-
редь итти въ солдаты одному. Ду-
мали, думали отецъ съ матерью, ко-

„Было въ семьѣ двое братьевъ.
Оба они были взрослые, двадцати-
лѣтки. Вотъ и дошла до нихъ оче-
редь итти въ солдаты одному. Ду-
мали, думали отецъ съ матерью, ко-

„Было въ семьѣ двое братьевъ.
Оба они были взрослые, двадцати-
лѣтки. Вотъ и дошла до нихъ оче-
редь итти въ солдаты одному. Ду-
мали, думали отецъ съ матерью, ко-

„Было въ семьѣ двое братьевъ.
Оба они были взрослые, двадцати-
лѣтки. Вотъ и дошла до нихъ оче-
редь итти въ солдаты одному. Ду-
мали, думали отецъ съ матерью, ко-

„Было въ семьѣ двое братьевъ.
Оба они были взрослые, двадцати-
лѣтки. Вотъ и дошла до нихъ оче-
редь итти въ солдаты одному. Ду-
мали, думали отецъ съ матерью, ко-

„Было въ семьѣ двое братьевъ.
Оба они были взрослые, двадцати-
лѣтки. Вотъ и дошла до нихъ оче-
редь итти въ солдаты одному. Ду-
мали, думали отецъ съ матерью, ко-

„Было въ семьѣ двое братьевъ.
Оба они были взрослые, двадцати-
лѣтки. Вотъ и дошла до нихъ оче-
редь итти въ солдаты одному. Ду-
мали, думали отецъ съ матерью, ко-

„Было въ семьѣ двое братьевъ.
Оба они были взрослые, двадцати-
лѣтки. Вотъ и дошла до нихъ оче-
редь итти въ солдаты одному. Ду-
мали, думали отецъ съ матерью, ко-

„Было въ семьѣ двое братьевъ.
Оба они были взрослые, двадцати-
лѣтки. Вотъ и дошла до нихъ оче-
редь итти въ солдаты одному. Ду-
мали, думали отецъ съ матерью, ко-

„Было въ семьѣ двое братьевъ.
Оба они были взрослые, двадцати-
лѣтки. Вотъ и дошла до нихъ оче-
редь итти въ солдаты одному. Ду-
мали, думали отецъ съ матерью, ко-

¹⁾ Записано въ Варнавинскомъ уѣздѣ
Богородской волости въ дер. Замѣша-
ихъ учителемъ Ст. Шаровымъ.

му втти, да и рѣшили—малому. Парень онъ былъ крѣпкій, здоровый, кровь съ молокомъ, „любъ“, крикнули ему, забрали. Собрали ему отецъ съ матерью котомочку, понаклали все-таки кой-чего—ну, рубашечекъ, полотенецекъ, подорожничковъ, дали деньжонокъ малость на дорогу, благословили и отпустили послужить Царю-батюшкѣ. А служба была тогда длинная, не какъ нынче, двадцать пять лѣтъ. Пока малый братъ служилъ тамъ, старшій братъ его померъ, да и не какъ слѣдуетъ, не какъ люди добрые помираютъ,—могила, вишь, не успокоила его: онъ былъ оборотень—колдунъ. Каждую ночь, еще съ вечера, онъ вставалъ изъ могилы и приходилъ въ деревню; тамъ поочередно тревожилъ всѣхъ и требовалъ угощенія себѣ: полштофъ вина и каравай хлѣба. Бились, бились мужики съ колдуномъ, чего только ужъ не испробовали они, нѣтъ, не могли избавиться отъ него, ходитъ да и ходитъ, пугаетъ народъ колдунъ. Думали, думали мужички, какъ быть какъ пособить горю, да и порѣшили—переехать, перенести деревню въ другое мѣсто. Такъ и сдѣлали, переехали на другое мѣсто, всѣ переехали, осталась только одна изба; отецъ съ матерью бросили ее и переехали за одно съ другими. Такъ и тутъ не избавились вовсе отъ колдуна: подавай, вишь, ему попрежнему полштофъ водки и каравай. Поскутились, поскутились мужики, да ничега не подѣлаешь, порѣшили отъ десятку прямо ставить въ оставленной избѣ графинъ водки

для него, каравай и сальную свѣчку. Ночью оборотень приходилъ туда, зажигалъ свѣчку и угощался. И такъ повторялось каждую ночь изъ года въ годъ, вотъ уже цѣлыхъ 5 л. Младшій братъ ничего не зналъ объ этомъ: не писали ему да и писать то некому было, все безграмотные, по всей деревнѣ. Но вотъ наконецъ онъ отбылъ свою службу, и вышелъ срокъ ему къ домамъ правиться. Собралъ онъ свою котомочку, свои пожитки солдатскіе и пошелъ. Приходить въ деревню, глядитъ—и какъ будто уже и не деревня передъ нимъ: одна стоитъ изба отцовская да бани съ амбарами. „Что такое, думаетъ солдатъ, ужъ не выморокъ ли? Таеъ куда же домамъ то дѣваться?“ Входить онъ въ избу, посмотреть—и не жилье: не топленая, не метеная, пустота кругомъ, а на столѣ водка и каравай. „Это что же? думаетъ солдатъ, народу нѣтъ, а водка на столѣ!... Ужъ не мнѣ ли?... А не мѣшаетъ: еуды какъ годить съ дорожки то.“ Тутъ онъ налилъ себѣ стаканчикъ, другой и выпилъ, выпилъ и закусилъ. А дѣло къ вечеру было. „Стой! думаетъ, придетъ же кто нибудь! Подожду малость“. Подсѣлъ онъ поближе къ столу, и поджидаетъ не торопясь. Вотъ вечеромъ, чуть посмерклося немного, отворяются двери, и входитъ братъ.

—„А! Здорово, братикъ! кричитъ колдунъ, давно ли прибылъ сюда?“

—„Да сейчасъ вотъ только: здорово, братецъ, здорово! Ну, что, какъ? Отецъ, мать гдѣ? Живы, померли?... Что то не видно ихъ!...“

— „Живы, живы! Что дѣлается имъ? Не сокрушайся, отвѣчаетъ колдунъ, да вишь ты! Всѣ уѣхали отсюда: я угналъ всѣхъ; оставили меня одного!“

— „Ты угналъ? Чѣмъ же ты страшень имъ, расскажи! Это любопытно!“

— „Чѣмъ страшень то? А вотъ чѣмъ!—Я не живой, братикъ!“

— „Вотъ какъ! А я же вижу тебя!“

— „Видѣть то видишь, да не живой я, потому колдунъ. Каждую ночь я хожу сюда, тѣмъ и страшень для всѣхъ. Да и ты напрасно хорохоришься, я не привыкъ къ тому!... Я тебя съѣмъ!...“

— „Меня съѣшь! Это брата то?“

— „Хотя бы и такъ!“

— „Да полно ты! Меня бы и пожалѣть можно! Вѣдь я за тебя тоже въ службѣ служилъ.“

— „Ну, такъ что-жь? То дѣло старья! А теперь.. я голоденъ! Ты разсердвилъ меня!“

— „Такъ позволь хоть съ родителями поवादаться! Вѣдь я не видалъ ихъ цѣлую жизнь.“

— „Съ родителями?... Повидай!... Пойдемъ вмѣстѣ!“

Пошли. Пришлось проходить имъ мимо кабака. — „Эхъ, какъ пить хочется! Ты хочешь пить? Водка?“ говоритъ колдунъ. „Нѣтъ, я не пью!“ — „Ну не пьешь—такъ и лучше. Подожди здѣсь! Я забѣгу на минутку. Да не вздумай бѣжать! Смотри—не убѣжишь!“

Тутъ онъ подошелъ къ дверямъ, двери распахнулись передъ нимъ: онъ вошелъ. Черезъ минутку, менѣе идетъ съ двумя штофами водки, но

пить и самъ не сталъ, а вылилъ водку, посуду же захватилъ съ собой.—

„Пойдемъ! Недалеко отсюда спать молодые, мнѣ нужно ихъ осмотрѣть.“

Пошли. Опять все створяется передъ нимъ, какъ будто по волшебству какому. Пришли къ молодымъ. Тѣ спать самымъ крѣпкимъ, беззаботнымъ своимъ. Пральвулъ онъ губами къ нимъ, да и давай сосать, натянулъ изъ нихъ оба штофа крови.

— „Что ты сдѣлалъ съ ними? воскликнулъ солдатъ: вѣдь они помрутъ!“

— „Помрутъ, какъ лѣчить не станутъ“, отвѣчалъ колдунъ.

— „А чѣмъ же лѣчить ихъ надо?“

— „Лѣчить не хитро: поить только шесть недѣль кобыльимъ молокомъ, и выздоровѣютъ.“

— „Такъ лѣчить то вѣдь некому ихъ: никто не знаетъ того, они помрутъ все-таки!“

— „Все можетъ быть.“

— „Тебѣ и не жалко ихъ?... Ахъ, братикъ, братикъ! Вѣдь вотъ кого бы надо полѣчить то! Тебя бы, тебя бы прежде, братикъ! Тебя бы! Полно ужъ тебѣ по свѣту шататься вольному, людей губить, пора бы вѣдь и честь уже знать!“

— „Что жъ? И меня не хитрость лѣчить!“

— „А какъ?“

— „Что какъ? Просто очень! Запречь только шесть неѣзжалыхъ жеребцовъ, положить меня и разгонять. На полѣ вотъ тамъ, ты, чай знаешь,—есть большое провалище, тамъ то и погибну я, только заурчить, какъ полетимъ мы. Да ты что мнѣ зубы то заговариваешь?“

м 1087035

Архангельская
Областная
Библиотека
им. Н. А. Дебрелова

Костромская областная
Библиотека
им. Н. К. Крупской

Самъ болтаешь, да и меня вынуждаешь. Пойдемъ! Намъ торопиться надо: не скоро справишься съ тобой, и медвѣдю такъ впору будетъ. Пойдемъ!“

Пришли они въ деревню, въ домъ родительскій, — мертвецки спать всѣ. Солдаты хотѣли было разбудить ихъ, такъ куда тутъ? „Не тронь, кричи: все равно, и при нихъ съѣмъ тебя!“ — „Такъ проститься то хоть позволь!“ — „Безъ прощанья! Пойдемъ! Мнѣ некогда.“ Вышли на улицу, колдунъ къ солдату, но пѣтухъ вдругъ крикнулъ: ку-ку-ре-ку, и колдунъ повалился. — „А, убѣжалъ! Въ сорочкѣ родился“, крикнулъ ему, задыхаясь, колдунъ. Солдаты подхватили мигомъ свою котомку, да опрометью опять въ деревню, къ отцу, матери. Приходятъ туда, тамъ уже встала всѣ. — „А, солнышко наше красное, сынокъ родимый!“ Мать встрѣчаетъ его: „какъ это тебя супостатъ то нашъ не съѣлъ?“ —

„Не знаю! ужъ какъ, матушка! Ващими, знать, молитвами только. Ну да объ этомъ послѣ, матушка! А теперь вотъ что! Поскорѣ собирайте десятокъ! „Я лѣкарство хорошее знаю! Мигомъ избавимся отъ него!“ Собранный былъ десятокъ. Солдаты рассказали, что стряслось ночью, и велѣлъ запретъ поскорѣ шесть неѣзжалыхъ лошадей. Такъ и сдѣлали, — запрягли, положили оборотня на санки (онъ лежалъ на улицѣ, до 12 часовъ онъ могъ оставаться на землѣ, а послѣ полдень уходилъ въ могилу), разгнали жеребцовъ и пустили къ провальной ямѣ. Коня слома голову бросились туда, мигъ —

и провалилось все, только заурчало тамъ. Съ тѣхъ поръ колдунъ уже болѣе не поднимался изъ могилы: солдаты излѣчили его; вылѣчили онъ также и молодыхъ“.

Не оставлены наконецъ безъ вниманія и тѣ произведенія народной словесности, которыя создаются среди раскольниковъ и сектантовъ нашего края. Для примѣра приведу „Стихъ о рыданіи матери“, записанный мною недавно (13 ноября сего года) отъ крестьянина Ивана Александрова Архипова въ дер. Стрѣльниковѣ (въ 6-ти верстахъ отъ г. Костромы за рѣкой Костромой). Стихъ этотъ особенно распространенъ между раскольниками-перекрещенцами, отрицающими бракъ, и, несомнѣнно, уже носить на себѣ слѣды книжнаго вліянія.

„Умоляла мать родная свое милое дитя,

„Предъ кончиною рыдала о судьбѣ ея груста:

„Распростись со мной навѣки, ненаглядный мой цвѣтокъ:

„Скоро будешь сиротою цвѣсти въ полѣ одинокъ.

„Мнѣ минута наступила тебя на вѣкъ покидать,

„Скоро хладная могила у тебя отниметъ мать.

„Ты, звѣзда моя денница, пожалѣй своей красы,

„Не сгуби себя, дѣвица, не плети ты двѣ косы,

„Не мѣняй волю златую на прелес(т)ные цвѣты,

„На богатство честь земную, на заботы суеты.

„Ты теперь ходи не богата и въ нарядѣ не славна,

„На вѣкъ птичка ты крылата, беспечальна и вольна,

„Не забудь сего, дѣвица: твой женихъ небесъ Творецъ,

„Во вѣкъ будешь, какъ денница, съ Нимъ пойдешь и подъ вѣнецъ.

„Рай пресвѣтлой на востоцѣ, вѣчной радости страля

„Незамѣченнымъ въ пороки дѣвамъ будетъ отдана.

„Лучше царскихъ тамъ палатъ вертоградъ и сады,

„Терема, чертога златы, въ садахъ дивные плоды,

„Поля усѣяны цвѣтами, розы запахъ издаютъ,

„Роши съ чудными древами, всегда ангели поютъ.

„Текутъ рѣки плавно тамъ и водныя вси струи.

„Ты вселишься тамъ навѣки, дочь родимая моя.

„Тамъ не жди бѣды напасти, ни печали никакой,

„Всѣ въ душѣ угаснутъ страсти, тамъ и радость и покой.

„Ты, звѣзда моя денница, не затми своей красы,

„Не сгуби себя, дѣвица, не плети ты двѣ косы,

„Ты люби, люби себя, будь осторожна навсегда,

„Не пей пива и вина, дочь любимая моя!

„Не забудь сего совѣта, ты послушай свою мать:

„Рай прекрасный того свѣта: я тебя тамъ буду ждать.

„Мать послѣдній разъ вздохнула, оградившись крестомъ,

„На дѣвицу разъ взглянула и уснула вѣчнымъ сномъ.

„Не забыла дѣва словъ: помнитъ материнъ завѣтъ,

„Безпристрастія земнова жизнь свою она ведетъ“.

Костромская архивная коммиссія, глубоко благодарная всѣмъ лицамъ, откликнувшимся на ея призывъ къ собиранію памятниковъ народнаго творчества, вполне убѣждена, что просвѣщенные лица губерніи и впередъ будутъ ей оказывать такое же вниманіе, и тогда дѣйствительно возможно будетъ и въ нашей Костромской сторонѣ сохранить для потомства и науки

„Слово сказаній живыхъ,
„Мощное, вѣчное слово —
„Свѣтлый, кипучій родникъ,
„Кладезь богатства родного!“¹⁾

В. А. Андрониковъ.

¹⁾ А. Коринескій.

100 50200

M63.5

Junonifera var.

B. A. Anderson

For deposit in Lib. of the U.S. Geol. Surv.

